

УДК 340.15

А.В. СКОРОБОГАТОВ,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТСТВА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Статья посвящена особенностям правового регулирования банкротства в России во второй половине XVIII в. Выявлено, что в Банкротном уставе 1800 г. впервые было теоретически разработано понятие несостоятельности, которое используется в российском законодательстве по сей день.

Ключевые слова: Россия XVIII в.; Устав о банкротях 1800 г.; правовое регулирование; банкротство; несостоятельность.

Процессы приватизации и разгосударствления, протекающие в России на рубеже XX–XXI вв., и развитие права частной собственности повлекли за собой появление большого количества предприятий, не способных адаптироваться к новым условиям осуществления предпринимательской деятельности, не выполняющих или ненадлежащим образом выполняющих принятые на себя гражданско-правовые договорные обязательства, т.е. оказавшихся в состоянии банкротства.

В целях защиты нарушенных имущественных прав кредиторов стала очевидной востребованность правового института несостоятельности (банкротства), широко известного в дореволюционной России и зарубежных странах. Поэтому необходимо исследовать историю возникновения и развития института банкротства, изучить особенности его правового регулирования на разных этапах социально-экономического и государственно-правового развития нашей страны.

Хотя институт банкротства был известен в России с древности, но собственно правовое регулирование его начинается только в середине – второй половине XVIII в. Итогом развития отечественного законодательства о несостоятельности стал Устав о банкротях от 19 декабря 1800 г.

Разработка Устава была поручена специальной комиссии, в состав которой вошли генерал-прокурор П.Х. Оболянинов, министр коммерции Г.П. Гагарин, президент коммерц-коллегии Г.Р. Державин, член Комиссии для составления законов, сенатор Ф.М. Колокольцов, президент Санкт-Петербургского ратгауза Н.П. Резвой и члены коммерц-коллегии: фабрикант И.В. Кусов, банкир С.П. Ливио, купцы Нифонтов и Дьякин [1, т. 26, № 19692; 2, с. 76]. Персональный со-

став комиссии был призван максимально учесть разнообразные социальные и политические интересы при регулировании института банкротства. Оболянинов, Гагарин и Державин должны были обеспечить учет государственных интересов. Одновременно Гагарин и Державин выражали интересы «благородного сословия» (дворянства) [6]. Н.П. Резвой выказывал социально-экономические и юридические интересы города как субъекта права в целом [1, т. 25, № 18663, гл. 2, §6]. Кусов, Ливио, Нифонтов и Дьякин должны были защищать интересы торгово-промышленного населения. Колокольцев как член Комиссии для составления законов должен был отвечать за юридическую технику законопроекта. Роль императора в создании Устава о банкротях ограничивалась законодательной инициативой и резолюцией на итоговом тексте: «Быть по сему», которая и придавала нормативному правовому акту легитимность и юридическую силу [9; 10].

Работа комиссии завершилась в кратчайшие сроки (6 месяцев), что говорит о востребованности правового регулирования банкротства (несостоятельности) в тот период в связи с бурным экономическим ростом России во второй половине XVIII в.

Поскольку в тексте закона не было обозначено время вступления Устава в юридическую силу, в соответствии с отечественными правовыми традициями можно предположить, что он вводился в действие с момента издания. В то же время, судя по тексту закона, Устав вводился в действие с обратной силой. Так, ст. 171 отд. XXVIII ч. 1 гласила: «Пришедших в несостояние платежа до публикации сего Устава, ежели бы дело конкурсное и во время публикации сего Устава

производилось: то оно решить по сему Уставу, но только не винить банкротов и других прикосновенных в неимении порядочных книг и в прочем, на что донныне точного закона не было».

Пространство действия Устава в тексте не указывалось. Именной указ, объявленный из Сената, которым Устав вводился в действие, гласил: «Устав для всенародного сведения и должного исполнения разослать и публиковать повсеместно...» [2, с. 1]. Однако в ряде статей акта были установлены нормы, касающиеся распоряжения принадлежащим банкроту имуществом, находящимся за границей [2, ст. 44 отд. VI ч. 1], из чего можно заключить, что юридическая сила Устава о банкротах 1800 г. распространялась и на тех российских подданных, которые вели торгово-промышленную деятельность за границей. Кроме того, закон упоминает о возможности для граждан иных государств предъявить кредиторский иск должнику, являющемуся российским подданным [2, ст. 117 отд. XVI ч. 1].

Круг лиц, попадавших под действие Устава о банкротах, на первый взгляд, был существенно уже перечня российских подданных, имевших право заниматься торгово-промышленной деятельностью. Именной указ, объявленный из Сената, которым сопровождался Устав о банкротах, гласил: «Его императорское величество в 19 день декабря прошлого 1800 г. высочайше издать соизволил Устав о банкротах, содержащий в себе две части, первую для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями, а вторую для дворян и чиновников...» [2, с. 1]. Данное официальное сенатское определение можно расширительно толковать в сторону распространения норм Устава на всех лиц, имевших право вступать в обязательственные отношения, в том числе и на крестьян. Это предположение подтверждается при изучении других нормативных правовых актов рубежа XVIII–XIX вв., свидетельствующих, что российское законодательство рассматривало крестьян, по крайней мере, государственных и удельных, в качестве субъектов гражданского права [5].

Для ускорения реализации норм Устава его текст одновременно печатался в двух сенатских типографиях: в Санкт-Петербурге и Москве [2, тит. л.].

Как показывает анализ оригинальной публикации Устава о банкротах 1800 г., законодатель

стремился максимально структурировать нормативный правовой акт, использовать в тексте только общеупотребительную терминологию. В случае же использования новых терминов в тексте приводится их официальное толкование. Кроме того, Устав снабжен подробными указателями (примечаниями) на полях, которые существенно облегчали правоприменителю работу с ним (при включении текста Устава о банкротах 1800 г. в Полное собрание законов Российской империи эти указатели были опущены). Таким образом, несмотря на то, что теория юридической техники к тому времени еще не была разработана, можно говорить о высоком уровне юридической техники Устава о банкротах.

Структурно данный нормативный правовой акт состоял из двух частей: «Для купцов и другого звания торговых людей, имеющих право обязываться векселями» и «Для дворян и чиновников». Последняя устанавливала правила неторговой несостоятельности. Однако собственно проблемам банкротства из 111 статей 2-й части посвящены всего 12. В остальных статьях акцент был сделан на то, чтобы «уменьшить и воздержать самое впадение дворян и чиновников в неоплатные долги», негативное отношение к которым сложилось у императора еще до вступления на престол [3, ст. 20].

Устав о банкротах 1800 г. ввел множество новелл в институт банкротства. Банкротом законодатель признавал лицо, которое не могло сполна заплатить своих долгов [2, ст. 1 отд. I ч. 1], установив три вида банкротства: «первый банкротом бывают от несчастья, другой от небрежения и от своих пороков, а третий от подлога» [2, ст. 2 отд. II ч. 1].

Предприниматель признавался банкротом, если: самостоятельно объявлял о своем банкротстве в суде и действительно не мог выплатить долг [2, ст. 3 отд. III ч. 1]; на официальный запрос нотариуса сам объявлял о своем банкротстве в суде и действительно не мог выплатить долг [2, ст. 4 отд. III ч. 1]; не присутствовал на судебном заседании или не прислал своих представителей в течение 3-х дней после того, как суд получил неоплаченные договоры, или с другими невыполненными условиями [2, ст. 5 отд. III ч. 1]; присутствовал на судебном заседании, но не смог выполнить требования в течение последующего месяца [2, ст. 6–7 отд. III ч. 1].

Критерием несостоятельности была неоплатность, однако из этого правила для торговой несостоятельности устанавливались исключения, состоящие в презюмировании неоплатности при наличии определенных обстоятельств. Обстоятельства были следующими: 1) признание должником своего банкротства; 2) бегство должника; 3) неосуществление платежа по требованию кредитора в течение месяца. В этих случаях не выяснялась стоимость имущества при открытии конкурса, но если позднее оказывалось, что имущества должника достаточно для удовлетворения всех требований либо «при наличности долга казны, покрывающего все долги должника», конкурс прекращался.

Специалистам требовались значительные средства и время для доказательства того, что в бухгалтерских документах расход действительно превышал доходы, и, соответственно, наступала несостоятельность (банкротство). Предприятия и коммерсанты должны были непрерывно работать на выплату долгов. Факт задержки очередной выплаты превращал должника в несостоятельного партнера, что прямо вело к признанию его банкротом. Трактую «звание банкрота», законодатель подчеркивает: «Банкрота не должно разуметь бесчестным человеком; ибо честность и бесчестие не в звании банкрота состоит, но единственно в поступках, которые привели человека в банкротство» [2, ст. 129 отд. XXI ч. 1]. Банкротство, в свою очередь, рассматривалось как «неаккуратная» несостоятельность, включавшая в себя только случаи легальной неплатежеспособности должника, которая приводила к несостоятельности (непрофессионализм, несохранность грузов, и т.д.); как «растрата» или «простое» банкротство: чрезмерные траты на нужды компании в виде рекламы; намеренное сокрытие частной собственности для личного использования и др.; в качестве «намеренной» несостоятельности: «злой»; «корыстной»; «тяжкой», которая характеризовалась намеренным сокрытием имущества и становилась уголовным преступлением [2, ст. 130 отд. XXI ч. 1]. Иными словами, любой должник мог столкнуться с несостоятельностью, но преступлением считалось лишь злое банкротство.

Последствием несчастного банкротства (если банкротство случалось из-за несчастья по независящим от лица причинам (в силу форс-мажорных

обстоятельств)) было полное освобождение как от личного преследования, так и от имущественного взыскания (т.е. неудовлетворенные долги после реализации имущества должника требования погашались) [2, ст. ст. 132–134 отд. XXII ч. 1]. Неосторожные [2, ст. 135 отд. XXIII ч. 1] и злые банкроты не освобождались от уплаты долга и по окончании конкурса; злые банкроты подлежали уголовному наказанию, даже если расплачивались со всеми долгами [2, ст. ст. 138–139 отд. XXIV ч. 1; 11, с. 39–40].

На время конкурсного процесса злые банкроты подлежали аресту [2, ст. 18 отд. IV ч. 1]. Укрывательство банкрота рассматривалось как уголовное преступление и к нему применялись те же меры, что и к беглым арестантам [2, ст. 75 отд. VIII ч. 1].

В Устав 1800 г. не вошла норма проекта Устава о банкротах 1763 г. об ограничении суммы долгов несостоятельного должника [5, с. 192]. Сумму долгов несостоятельного должника, необходимую для открытия конкурса, Устав о банкротах 1800 г. вообще не определял.

Для возникновения конкурсных отношений необходимо было наличие нескольких кредиторов и соответствующего их желания. В противном случае Устав разрешал кредиторам предоставить должнику отсрочку. Можно согласиться с мнением Г.Ф. Шершеневича, который квалифицировал это правило как способ предупредить открытие несостоятельности [13, с. 137].

Открытие несостоятельности могло наступить вследствие судебного признания должника либо по требованию кредиторов [2, ст. 8 отд. IV ч. 1]. В последнем случае должник вызывался в суд для дачи показаний о состоянии своего имущества. В том же заседании суд принимал постановление о применении мер в отношении имущества должника. Решение об открытии несостоятельности трижды публиковалось в газетах [2, ст. 15 отд. IV ч. 1]. Кроме того, на рынках, ярмарках и в других людных местах вывешивалось соответствующее объявление [2, ст. 16 отд. IV ч. 1].

Личные последствия открытия банкротства (несостоятельности) заключались в том, что должник немедленно заключался под стражу [2, ст. ст. 8, 18 отд. IV ч. 1], хотя предусматривалась возможность кредиторов большинством голосов освободить его, ограничившись поручитель-

ством [2, ст. 10 отд. IV ч. 1]. Имущественные последствия сводились к тому, что имущество должника отдавалось «в конкурс», т. е. образовывало конкурсную массу [2, ст. 25 отд. V ч. 1]. Устав предусматривал по решению кредиторов выделение необходимых средств на содержание семьи банкрота [2, ст. 19 отд. IV ч. 1].

Публикация сведений об открытии несостоятельности обязывала всех кредиторов, а также должников или имеющих в своем владении какие-либо вещи банкротов заявить об этом. Сроки для таких заявлений были установлены различные в зависимости от местонахождения кредитора: 3 месяца для находящихся в том же городе; 9 месяцев для находящихся в других городах или европейских государствах; 18 месяцев для находящихся в государствах других частей света [2, ст. 63 отд. VII ч. 1]. Указанные сроки являлись пресекательными. Если кредитор не успевал в установленный срок сделать заявление, он лишался права требования [2, ст. 65 отд. VII ч. 1]. Однако Устав не запрещал начало удовлетворения кредиторов до окончания максимальных (9- и 18-месячных) сроков на предъявление претензий [2, ст. 93 отд. X ч. 1]. Как отмечал А.Х. Гольмстен, «соблюдение 9-месячного и полуторагодового сроков обязательно лишь для кредиторов, но не для конкурса – конкурс сам или по требованию кредиторов мог и не выжидать истечения их, но кредиторы от этого ничего не теряют, так как убытки, причиненные такой поспешностью, должны быть им возмещены» [5, с. 239].

Хотя Устав прямо не предусматривал прекращения конкурса, однако норма ст. 51 отд. VI ч. 1 о возможности перевода средств должных банкроту лиц для погашения конкурсной массы можно толковать как возможность завершения конкурса, если должником будет получена сумма, достаточная для удовлетворения кредиторов.

Претензии, предъявленные кредиторами, записывались в специальные книги (реестр требований кредиторов) [2, ст. ст. 118–122 отд. XVI ч. 1]. После этого кредиторы должны были представить доказательства действительности претензий, без чего эти претензии исключались из списка [2, ст. 63 отд. VII ч. 1]. Однако способ проверки действительности требований Устав не устанавливал, он был отдан на полное усмотрение кредиторов.

Что касается состава кредиторов, то Устав о банкротях 1800 г. сохранил деление кредиторов на конкурсных и кредиторов-сепаратистов, утвердившееся в законодательстве XVIII в. [5, с. 198]. В отношении статуса конкурсных кредиторов не было внесено значительных изменений. Устав 1800 г., как и предшествующее законодательство, относил залогодержателей к конкурсным кредиторам [2, ст. 106 отд. XIV ч. 1].

В отношении сепаратистов *ex jure creditii* Устав 1800 г. вернулся к правилу, установленному Уставом 1740 г.: если заложенная вещь будет стоить менее того, за сколько эта вещь заложена, то она остается у залогодержателя. В том случае, если вырученная от продажи вещи сумма не покрывала долг, залогодержатель все равно не мог требовать недостающей суммы [2, ст. 107 отд. XIV ч. 1].

Кредиторы, вызванные публикацией в суд, составляли конкурс, который, по словам Устава о банкротях 1800 г., «... есть собрание кредиторов, или верителей, в котором дела банкротские разбираются кураторами или попечителями» [2, ст. 25 отд. V ч. 1]. Кураторы назначались из среды кредиторов и утверждались судом: «Не более шести дней спустя после троекратной публикации, всем находящимся в том городе банкротским кредиторам явиться в Судебном месте; потом не далее как в две недели представить выбранных по баллотированию, или по добровольному согласию всеми ими, или большей частью в Кураторы для разбора сего дела из кредиторов, в банкротской массе участие имеющих, или из тех, кому от кредиторов отсутствующих требования вверены из поверенных их, или из посторонних, добрых и неподозрительных, не более четырех человек, и когда сим образом кураторы будут выбраны, тогда представить их для утверждения присутственному месту, где дело началось» [2, ст. 26 отд. V ч. 1]. Устав предусматривал и назначение кураторов судом в случае недостаточного числа кредиторов или отсутствия соглашения между ними [2, ст. 31 отд. V ч. 1].

Для кураторов, избираемых из среды кредиторов, устанавливалось, что они должны быть люди «добрые и неподозрительные». Кураторы не должны были относиться к лицам духовного звания, мещанам, крестьянам, крепостным [2, ст. 26 прим. отд. V ч. 1], что соответствовало сословному характеру российского законодательства.

В ст. 120 отд. XVII ч. 1 Устава четко определялся размер вознаграждения кураторам: «два процента со всей вырученной из имущества банкрота суммы, причем они должны делить те проценты между собою на равные части».

Реализация Устава о банкротях 1800 г. выявила, что зачастую кредиторы не хотели возлагать на себя дополнительные обязанности кураторов. Это приводило к тому, что кураторов приходилось назначать из посторонних лиц. Поэтому 9 августа 1807 г. был издан указ, в соответствии с которым запрещалось назначать кураторов из посторонних лиц, не входивших в число кредиторов. Разрешалось назначать кураторов из посторонних лиц только в случае их добровольного согласия взять на себя обязанности куратора [1, т. 29, № 22585].

При определении конкурсной массы суд учитывал характер имущества банкрота. При формировании актива конкурсной массы из нее исключались вещи, переданные должнику на хранение, а также присланные ему на комиссию для продажи, исключались товары, найденные у должника, если они были куплены по приказу и за счет комитента, и на них уже были отправлены коносаменты. В соответствии со ст. 46 отд. VI ч. 1 Устава, «за несобственное того банкрота и неподлежащее конкурсу из пожитков почитать только то, что у него найдется положено правильным образом под заклад, в силу XIII Отделения сего Устава, или то, о чем весьма ясно будет доказано, что оно вверено банкроту единственно для сохранения и без всякой хозяину от того иной пользы или прибыли; таковые имущества возвращать хозяевам по достоверным доказательствам, а заложенное отдавать на выкуп по силе договора; без ясных же и неоспоримых доказательств всякие имущества причислять к общей сумме».

Доля банкрота в хозяйственном товариществе по решению кураторов подлежала продаже. Однако при этом не должно было нарушаться товарищество [2, ст. ст. 109–114 отд. XIV ч. 1].

В отношении пассива имущества должника самая существенная новелла Устава 1800 г. состояла в том, что было установлено ограничение на применение зачета требований банкрота и его должников. Не допускался зачет требований в отношении банкрота против зачета требований банкрота по вексельным обязательствам [2, ст. 71 отд. VII ч. 1]. В соответствии с Уставом

кураторам было предоставлено право отвергать сомнительные требования [2, ст. 105 отд. XII ч. 1]. К сомнительным Устав отнес требования, которые намеренно были установлены в ущерб кредиторам [2, ст. 67 отд. VII ч. 1]. При этом кураторам были предоставлены достаточно широкие полномочия: им было дано право уничтожать несправедливые требования, исправлять требования непорядочные и требовать включения неправильных закладов в конкурсную массу [2, ст. 63 отд. VII ч. 1]. Также к их ведению относился вопрос исполнения должником сделок, которые были заключены [2, ст. 147 отд. XXVI ч. 1].

В состав конкурсной массы не включалось имущество жены и детей банкрота [2, ст. 43, 47 отд. VI ч. 1] за исключением ситуаций, установленных в ст. 43 (когда она «в торгах мужниных участвовала») и ст. 111 (когда банкрот «перевел на нее подложно капитал либо имение»). В первом случае жена также могла быть признана банкротом; во втором – для нее наступали как гражданские (имущественные), так и уголовные последствия.

После составления кураторами сметы расчета следовало удовлетворение кредиторов. В первую очередь удовлетворению подлежала задолженность банкрота перед церковью и монастырями [2, ст. 89 отд. X ч. 1]. Интересно, что к этой категории долгов приравнивались также долги за службу и работу приказчикам и рабочим [2, ст. 90 отд. X ч. 1]. Все остальное подлежало соразмерному удовлетворению остальных кредиторов [2, ст. 91 отд. X ч. 1]. При этом не учитывалось, были ли долги банкрота государственные или частные [2, ст. 98 отд. X ч. 1].

Устав о банкротях 1800 г. несколько изменил компетенцию общих собраний кредиторов. Из их компетенции было исключено решение такого ключевого вопроса, как определение способа продажи имущества должника. Несмотря на то, что решения на собраниях кредиторов принимались большинством голосов, теперь это большинство считалось иначе: за основу, как указывает А.Х. Гольмстен, был взят опыт Амстердамского уложения [5, с. 232]. Устав предусматривал следующий порядок подсчета суммы требований: 3/4 общего числа кредиторов с суммой требования 2/3 от общей суммы долгов либо 2/3 общего числа кредиторов с суммой требований 3/4 общей суммы долга, либо (при отсутствии на собра-

нии указанного количества кредиторов) – более 1/2 кредиторов с суммой требований больше половины суммы долга [2, ст. 88 отд. X ч. 1].

Для долговых требований, обеспеченных залогом, были установлены особые правила. Кураторы могли выкупить залог, заплатив полную сумму долга – в этом случае предмет залога включался в конкурсную массу. Если заложенная вещь стоила меньше, чем обеспеченная ею сумма долга, то эта вещь оставалась у залогодержателя, который терял право истребовать разницу от конкурса, так как при заключении договора кредитор «почитал заклад достаточным в обеспечение данных им денег». Однако в некоторых случаях залогодержатель мог отдать предмет залога в конкурсную массу и требовать удовлетворения как обычный кредитор [2, ст. ст. 106–108 отд. XIII ч. 1]. Однако эти правила касались только тех случаев, когда предмет залога находился у залогодержателя. Если предмет залога оставался у должника, то кредитор особых прав не имел и участвовал в конкурсе на общих основаниях.

Раздел имущества банкрота мог быть предотвращен заключением мирового соглашения, которому посвящены ст. ст. 148 и 152 Устава. Для действительности этой сделки требовалось согласие большинства кредиторов, представляющих большую часть всей долговой суммы. Непосредственный порядок заключения мировой сделки в процедуре банкротства определялся тремя условиями: сделка должна быть заключена на общем собрании кредиторов; сделка должна быть одобрена большинством кредиторов по сумме требований; принятая сделка должна быть утверждена судом.

Общее собрание кредиторов при заключении мировой сделки состояло из «кредиторов, которые заявили претензии признанные и допущенные» [2, ст. 148 отд. XXVI ч. 1]. Не должны были принимать участие в решении вопроса о заключении мировой сделки кредиторы, требования которых были обеспечены залогом, так как они пользовались правом отдельного удовлетворения, следовательно, были не заинтересованы в исходе конкурсного процесса и могли подать голос за мировую сделку, хотя бы она была невыгодна для кредиторов [7, с. 16; 13, с. 447].

Действительность мировой сделки обеспечивалась ее утверждением судом. При рассмотрении

соответствующего вопроса суд исследовал как формальные моменты, связанные с соблюдением процедуры заключения мировой сделки, так и ее содержание (в равной ли степени удовлетворяются все кредиторы, есть ли признаки, указывающие на злостное банкротство и т.д.) [2, ст. 152 отд. XXVI ч. 1].

Последствием судебного утверждения мировой сделки являлось окончание конкурсного процесса. Должник полностью восстанавливался в личных и имущественных правах и вновь приобретал права управления и распоряжения своим имуществом, которых он был лишен после объявления несостоятельности [2, ст. ст. 152–153 отд. XXVI ч. 1].

Обязательства банкрота переходили по наследству. Устав посвящает целое отделение регулированию вопросов, возникающих при этом. Предусматривалась возможность наследникам банкрота добровольно расплатиться с кредиторами [2, ст. 156 отд. XXVII ч. 1], а в случае отказа кураторы должны были это сделать насильственно [2, ст. 159 отд. XXVII ч. 1].

Устав предусматривал и меры профилактики банкротства, в частности отд. XXV целиком посвящено необходимости и правилам ведения книг бухгалтерской отчетности, «...ежели в случае банкротства не хотят себя подвергнуть званию банкрота неосторожного» [2, ст. ст. 140–146 отд. XXV ч. 1].

Таким образом, понятие «банкротства» и особенности его регулирования по Уставу о банкротях 1800 г. близки к трактовке категории «несостоятельность (банкротство)» в современной юридической науке: банкротство есть процесс, направленный на ликвидацию несостоятельного предприятия посредством продажи его имущества с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов и исключения должника из государственного реестра юридических лиц [8, с. 11]. По оценке Г.Ф. Шершеневича, Устав о банкротях 1800 г. по полноте постановлений и ясности изложения стоял выше аналогичного законодательства западноевропейских стран [12, с. 69]. Однако в ходе его применения практика показала определенные пробелы, связанные с тем, что Устав в значительной степени исходил не из необходимости урегулировать имеющиеся социальные отношения, а опирался на доктрину,

преимущественно европейскую. Тем не менее с небольшими изменениями он продолжал действовать до принятия нового банкротного устава в 1832 г.

Список литературы

1. Полное собрание законов. – 1-е собр. – СПб., 1830.
2. Устав о банкротах. – СПб., 1803.
3. Порошин С.А.; Куракин А.Б. Павел Петрович. Наказ об управлении государством // Русский Гамлет / сост. А.В.Скоробогатов. – М., 2004.
4. Российский государственный исторический архив. Ф. 1374. Оп. 3. Ед. хр. 2356. – Л. 1–3.
5. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса. – СПб., 1888.
6. Грот Я.К. Жизнь Державина. – М., 1997.
7. Коробов О.А. Мировое соглашение в процедурах несостоятельности (банкротства): дис. ...канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003.
8. Левченко В.Е. Формирование и развитие правового регулирования несостоятельности (банкротства) в России и проблемы обеспечения безопасности кредиторов (теоретико-правовой и историко-правовой аспекты): автореф. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2008.
9. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. – М., 1993.
10. Скоробогатов А.В. Правовое положение российского монарха в XVIII в. // Правовой статус и правосубъектность лица: теория, история, компаративистика: материалы VIII международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 14–15 декабря 2007 г. / под общ. ред. Р.А. Ромашева, Н.С. Нижник. – СПб., 2007. – С. 222 – 227.
11. Ткачев В.Н. Несостоятельность (банкротство) в Российской Федерации. Правовое регулирование конкурсных отношений. – М., 2004.
12. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. – Казань, 1898.
13. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. – М., 2000.

В редакцию материал поступил 24.02.12

Информация об авторе

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: skorobogatov@ieml.ru

A.V. SKOROBOGATOV,

Doctor of Law, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

LEGAL REGULATION OF BANKRUPTCY IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 18th CENTURY

The article is devoted to the features of legal regulation of bankruptcy in Russia in the second half of the 18th c. It is revealed that Bankruptcy Charter of 1800 contained the first elaboration of the notion of insolvency which is used in the Russian legislation till nowadays.

Key words: Russia of the 18th c; Charter of Bankrupts of 1800; legal regulation; bankruptcy; insolvency.

References

1. *Polnoe sobranie zakonov* (Complete collection of laws). Saint Petersburg, 1830.
2. *Ustav o bankrotakh* (Charter of Bankrupts). Saint Petersburg, 1803.
3. Poroshin S.A.; Kurakin A.B. Pavel Petrovich. *Nakaz ob upravlenii gosudarstvom* (Pavel Petrovich. Order of state government), *Russkii Gamlet* (Russian Hamlet). Moscow, 2004.
4. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1374. Op. 3. Ed. khr. 2356. L. 1-3.
5. Gol'msten A.Kh. *Istoricheskii ocherk russkogo konkursnogo protsesssa* (Historical overview of the Russian competition process). Saint Petersburg, 1888.
6. Grot Ya.K. *Zhizn' Derzhavina*. – М., 1997.
7. Korobov O.A. *Mirovye soglasheniya v protsedurakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva)*: (Amicable agreement in the procedures of insolvency (bankruptcy)). Volgograd, 2003.
8. Levchenko V.E. *Formirovaniye i razvitiye pravovogo regulirovaniya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) v Rossii i problemy obespecheniya bezopasnosti kreditorov (teoretiko-pravovoi i istoriko-pravovoi aspekty)* (Formation and development of legal regulation of insolvency (bankruptcy) in Russia and the issues of ensuring the safety of creditors (theoretical-legal and historical-legal aspects)). Saint Petersburg, 2008.

9. Omel'cenko O.A. «Zakonnaya monarkhiya» Ekateriny Vtoroi: Prosveshchennyi absolyutizm v Rossii ("Legal monarchy" of Ekaterina II: Enlightened absolutism in Russia). Moscow, 1993.

10. Skorobogatov A.V. Pravovoe polozhenie rossiiskogo monarkha v XVIII v. (Legal position of a Russian monarch in the 18th c), *Pravovoi status i pravosub"ektnost' litsa: teoriya, istoriya, komparativistika: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 14–15 dekabrya 2007 g.* (Legal status and legal subject of a person: theory, history, comparative study: works of the 8th International scientific-theoretical conference, Saint Petersburg, December 14-15, 2007.). Saint Petersburg, 2007, pp. 222-227.

11. Tkachev V.N. *Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) v Rossiiskoi Federatsii. Pravovoe regulirovanie konkursnykh otnoshenii* (Insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation. Legal regulation of competitive relations). Moscow, 2004.

12. Shershenevich G.F. *Konkursnoe pravo* (Competitive law). Kazan, 1898.

13. Shershenevich G.F. *Konkursnyi protsess* (Competitive process). Moscow, 2000.

Information about the author

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair the Theory and History of State and Law, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya Str., Kazan 420111, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru
